

Котова Екатерина Сергеевна

Kotova Ekaterina Sergeevna

аспирант кафедры международных отношений,
медиаологии, политологии и истории
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

PhD student,
Department of International Relations, Mediology,
Political Science and History,
Saint Petersburg State University of Economics

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА ЛЕНИНГРАДА В ПЕРИОД ОТТЕПЕЛИ

MONUMENTAL SCULPTURE IN LENINGRAD DURING THE THAW ERA

Аннотация:

Предметом исследования является система утверждения и установки памятников в Ленинграде в 1953–1964 гг. Обращение к фондам Управления культуры Ленгорисполкома позволяет выявить и охарактеризовать коннотации между особенностями контроля над сферой монументального искусства и тиражированием памятников партийным лидерам. Предпринята попытка аргументировать гипотезу о том, что однотипные советские памятники не являлись продуктом планомерной идеологизации общественного пространства, нацеленной на обеспечение концептуального единства советского общества, а, напротив, возникли вследствие несовершенства механизма центрального управления. Бюрократизация процесса возведения официальных монументов и появление стихийных памятников («парковой скульптуры») в современном Санкт-Петербурге нередко вызывают противоречия между властью и обществом (как пример – установка памятника И. Бродскому инкогнито в мае 2018 г.), что актуализирует проблему исторического опыта сосуществования официальной и неофициальной стратегии постановки новых монументов.

Ключевые слова:

памятник, общественное пространство, закладной камень, экспертно-художественный совет по монументальной скульптуре, идеология, лениниана, десталинизация, оттепель.

Summary:

The research subject is the approval and erection system in relation to Leningrad monuments in 1953–1964. Based on the archive funds of the Culture Department of Leningrad City Executive Committee, the author identifies and describes connotations between the monument art control and the replication of monuments to party leaders. The research confirmed the assumption that the similar Soviet monuments were not the element of the planned ideologization of the public space aimed at providing the conceptual unity of Soviet society, and, on the contrary, were the result of the imperfect mechanism of central government. The bureaucratic erection of official monuments and first spontaneous monuments (park sculpture) in contemporary St. Petersburg often lead to contradictions between the authorities and society (for instance, the unnamed monument to Brodsky has been built in May 2018) that update the problematic coexistence of the official and unofficial strategy for building new monuments in the historical perspective.

Keywords:

monument, public space, commemorative stone, Arts Expert Council for Monumental Sculpture, ideology, Leniniana, de-Stalinization, Thaw era.

Архитектурно-планировочное развитие Ленинграда в период хрущевской оттепели ознаменовалось значительными изменениями, связанными с типовым жилищным строительством и последствиями научно-технической революции. Массовая застройка включенных в городскую черту районов, открытие метрополитена и возведение 320-метровой телевизионной башни изменили облик города [1, с. 151–152]. Всестороннее реформирование общества в эпоху XX съезда подразумевало обновление «сцены для социального действия», как вслед за Л. Мамфордом называют общественное пространство представители современной исторической урбанистики [2, с. 530]. Важным элементом этой «сцены» являлись памятники. С позиции некоторых зарубежных исследований, именно наличие памятников могло превратить место повседневного пользования в общественное пространство, поскольку общественное пространство нуждается в выражении идентичности доминирующей группы людей [3]. Изучение факторов, повлиявших на процесс конструирования монументальных доминант, нацелено на расширение представлений о процессе формирования общественного пространства в Ленинграде в период оттепели в контексте внутренних противоречий советской системы управления.

Проблемы контроля над комплексом монументальной скульптуры нашли отражение в стенографических отчетах заседаний экспертно-художественного совета по монументальной скульптуре при Управлении культуры Ленгорисполкома (далее – Совет по скульптуре), а также в переписке отдельных учреждений, участвовавших в конструировании мемориальных объектов. На основе этих материалов можно утверждать о наличии двух путей возведения монументальной скульптуры. Официальный канал, связывающий горисполкомы и правительство, подразумевал внимательное, кропотливое руководство номенклатурой памятников, в то же время на местном уровне существовала практика стихийной установки памятников.

Борьба за централизацию процесса управления общественным пространством активизировалась вскоре после смерти И.В. Сталина. Уже в 1953 г. в записке Отдела науки и культуры ЦК КПСС о недостатках в сооружении памятников и монументов общественным и политическим деятелям секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву было доложено о том, что в обход утверждения проектов Министерством культуры СССР местные Советы сооружали большое количество памятников из долговременных материалов. В результате из 30 послевоенных памятников В.И. Ленину и И.В. Сталину в СССР только 7 было сооружено по постановлению Совета министров СССР, а остальные возникли по инициативе местных Советов. В записке было указано, что значительная часть таких монументов были дорогостоящими копиями, хотя «история русской монументальной скульптуры не знает случаев повторения одних и тех же памятников» [4, с. 97]. Авторы записки настаивали, что каждый монумент должен быть оригинальным и возводиться с учетом особенностей места сооружения. Тиражирование памятников было названо делом случая и частной инициативы скульптора, погоней за наживой, порочной практикой, которая наносит вред самой идее монументальной пропаганды [5, с. 98].

В результате борьбы по запрещению самовольной установки памятников из дорогостоящих долговременных материалов (бронзы, гранита) сооружение памятников без разрешения ЦК КПСС и Совета министров СССР по проектам, не утвержденным Министерством культуры СССР, продолжилось с использованием исключительно недорогих материалов. Этот процесс также подвергался официальной критике. Например, в справке ленинградского Управления культуры 1959 г. осуждался факт сооружения памятников отдельными ведомствами (заводами Ленинграда и управлением шоссейных дорог) или райисполкомами без резолюции Управления культуры, без утверждения проектов Советом по скульптуре. Особо подчеркивалась недопустимость практики установки неоригинальных памятников, которые в целях удешевления строительства возводили в бетоне, что еще более ухудшало внешний вид памятника. Отмечалось также, что появление несогласованных памятников низкого художественного качества не украшало город и лишь приводило к расходованию государственных средств. В пример приводились памятники Ленину при заводах. Управление культуры для исправления подобного положения дел считало необходимым упорядочить систему сооружения новых памятников, установив четкий централизованный контроль за художественным качеством всех будущих ленинградских монументов, и обеспечить систематическое ежегодное финансирование работ по сооружению новых памятников [6, л. 28–29].

Итак, монументальный плагиат в Ленинграде в период оттепели являлся не продуктом центральной стратегии, а побочным явлением, отражавшим общественную инициативу низового уровня в сфере монументального строительства. Очевидно, что описанное явление сохраняло актуальность из-за проблем в официальной системе управления постановкой памятников.

Мнение о том, что «потомки будут судить нас по всем проявлениям, и в том числе по памятникам, которые будут в нашем городе», озвученное на заседании научного совета по скульптуре в 1956 г. [7, л. 33], выражало догматичное значение монументальной пропаганды в контексте строительства коммунистического общества в СССР. Притом важным для советской власти представлялось не только мнение потомков, но и актуальное восприятие города современниками, в том числе зарубежными гостями. В архиве сохранилось информационное письмо о статье исландской журналистки Сигридур Торласиус, посетившей Ленинград в конце 1950-х гг. Журналистка с изумлением отмечала, что в городе с именем Ленина, где была принята первая советская конституция, большинство памятников относились к периоду имперской истории [8, л. 108–114]. Совету по скульптуре, на заседаниях которого регулярно присутствовали делегации художников из Румынии, ГДР и других стран, вменялась особая ответственность за создание образа города – колыбели революций.

Однако рассмотрение проектов в Совете по скульптуре являлось лишь частью сложного алгоритма официального возведения памятников. Он подразумевал проведение этапов конкурса внутри Ленинградского отдела Союза художников РСФСР, изготовление гипсовых фигур в натуральную величину, общественный просмотр по утверждению проектов, рассмотрение – как Советом по скульптуре, так и на заседаниях Ленинградского городского архитектурного совета, Ленгорисполкома и Министерства культуры СССР, отлитие памятников в бронзе, заготовку гранитных блоков для постаментов, подготовку церемонии открытия. Каждый из этих этапов не был ограничен по времени, что выражалось в неопределенной продолжительности процесса от момента принятия решения о возведении монумента до реализации этого решения.

В справках Совета по скульптуре 1950-х гг. охарактеризовано около 30 мемориальных объектов – памятников и бюстов, которые необходимо было установить в Ленинграде в период с 1936 по 1952 г. в соответствии с постановлениями правительства (в списке не были упомянуты памятники В.И. Ленину и И.В. Сталину). Из них к середине 1950-х гг. появилось лишь девять – памятники Н.Г. Чернышевскому (1947), И.П. Павлову (1952), Н.А. Римскому-Корсакову (1952) и

шесть бюстов дважды Героев СССР в Московском парке победы (1948–1953). В 1955 г. к юбилейной дате также был открыт памятник М.И. Калинину, работа над которым началась в 1946 г. в соответствии с постановлением правительства [9, л. 1–2].

Многим памятникам из первоначального списка не суждено было появиться в Ленинграде. Так, решение о возведении памятника В.Г. Белинскому было принято в 1936 г., но проектирование не началось и через 20 лет. Вопрос об объявлении конкурса в январе 1956 г. ленинградское Управление культуры ставило перед Министерством культуры СССР [10, л. 3], но в 1959 г. Управление культуры вновь вынужденно обращалось к Министерству культуры СССР с ходатайством отменить постановку второго памятника Павлову в пользу памятника Белинскому. Управление культуры сетовало Министерству на обилие писем, поступавших к ним с жалобой на замедленное разрешение вопроса о памятнике Белинскому [11, л. 217]. В августе 1960 г. в «Литературной газете» в ответ на вопрос читателей о сроках установки монумента заместитель начальника Управления культуры А.Н. Козлов обещал появление памятника в 1963 г. [12, л. 244], однако памятник в Ленинграде установлен не был. Камнем преткновения стала процедура согласования места установки памятника. Совет по скульптуре отклонил предложенное место, где был установлен закладной камень в 1948 г., и вместо Васильевского острова категорично предлагал поместить монумент на реке Фонтанке около дома, где жил и работал Белинский [13, л. 37].

Памятник М. Горькому, также запланированный в 1936 г., был открыт только в 1968 г. Одной из причин задержки являлись продолжительные прения в Совете по скульптуре о том, молодой или пожилой Горький должен быть запечатлен в бронзе [14, л. 1]. В 1960 г. Управление культуры ходатайствовало об отмене постановлений правительства в отношении памятников М.Ю. Лермонтову, Н.Н. Миклухо-Маклаю, И.Е. Репину, А.Е. Порай-Кошицу, утвержденных к возведению также в довоенное время, поскольку работа над ними по разным причинам не была начата [15, л. 1–4].

Помимо дискуссий в творческой среде, бюрократических проволочек и форс-мажорных обстоятельств (таких как смерть скульпторов, ответственных за проект), важным фактором медлительности процесса возведения монументов было отсутствие производственных мощностей. Ликвидированный в 1949 г. гранитный цех завода «Монументскульптура» восстановили только в рамках подготовки к празднованию 250-летия Ленинграда [16, л. 3], которое состоялось 23 июня 1957 г. вместо 27 мая 1953 г. Такое опоздание в современной историографии связывают с «реабилитацией» Ленинграда после «Ленинградского дела». Немаловажно, что перенос праздника на июнь был связан, по-видимому, уже не с идеологическими, а с техническими затруднениями. В.А. Орав, охарактеризовав праздник как «суррогат юбилея», установил, что у самих руководителей города не было ясности относительно того, когда будут завершены основные приготовления к празднику [17].

К юбилею было приурочено два знаменательных события в сфере монументальной скульптуры. Они получили отражение в фильме о юбилее Ленинграда, снятом московской студией документального кино в 1957 г. [18]. На первой минуте фильма зритель мог увидеть открытый накануне памятник А.С. Пушкину, который был запланирован в далеком 1936 г. Закладка камня на этом месте происходила в 1949 г. в честь празднования 150-летия поэта. Церемонии появления нового закладного камня в рамках празднования юбилея города – на месте будущего памятника В.И. Ленину на площади Восстания – была посвящена вторая минута документального фильма. Типичная структура организации подобных церемоний соответствовала их высокому идеологическому значению: управление милиции отвечало за порядок, управление культуры Ленгорисполкома – за освещение в прессе, местный райисполком организовывал митинги, трибуну, цветы, Управление садово-паркового хозяйства готовило декорации, комендант города Ленинграда должен был организовать музыкальное сопровождение [19, л. 69–71].

Торжественно заложенный памятник Ленину так и не появился, несмотря на то что конкурсы проектов были успешно проведены. Место на площади Восстания, изначально определенное для памятника, осложняло выбор архитектурного решения относительно ориентации монумента. Памятник Александру III на коне размещался на площади с 1909 по 1937 г. перпендикулярно Невскому проспекту, но для вертикальной фигуры вождя такое положение было неприемлемым. Решение относительно памятника на площади Восстания появилось лишь в 1965 г., когда Ленинграду было официально присвоено звание «город-герой» – началась работа над обелиском «Городу-герою Ленинграду», который установили здесь еще спустя 20 лет к 40-й годовщине победы в Великой Отечественной войне по эскизам В. Лукьянова [20].

Монументальная лениниана в Ленинграде после 1956 г. была переплетена с политикой десталинизации. Как мы уже отмечали, образы вождей чаще всего воплощались в не утвержденных официально памятниках. После февральского съезда началось снятие ведомственных памятников и бюстов Сталину. Уже весной 1956 г. бюст Сталина у Балтийского высшего военного-морского училища был заменен бюстом Ленина, а в 1957 г. на Большой проспект Петроградской

стороны был перенесен бюст Ленина, прежде установленный в паре с бюстом Сталина у Смольного [21]. Ведомственные памятники Сталину начали исчезать сразу же после XX съезда, несмотря на то, что даже партийные структуры такой важной культурно-просветительской организации, как Центральный парк культуры и отдыха им. С.М. Кирова, в 1956 г. не имели четких представлений о стратегии действий в отношении изображений Сталина. Заседание парторганизации парка при обсуждении подготовки к летнему сезону 1956 г. резюмировало, что «хотя указаний о снятии портретов Сталина нет, но нужно понимать, что в оформлении должно быть больше портретов товарища Ленина» [22, л. 14]. Не менее актуальным для парка был вопрос о судьбе монументов Сталину, на которые в 1953 г. было затрачено более 150 000 р., что в сумме с затратами на монументы Ленину (30 000 р.) в два раза превосходило расходы на автотранспорт, в котором парк остро нуждался [23, л. 17].

Затраты на возведение официальных памятников были несоизмеримо выше, к концу 1950-х гг. Ленинграду требовалось более 2 млн р. в год на возведение и реставрацию монументов. Проблемы с финансированием являлись еще одной важной причиной медлительности в вопросах центрального управления монументальным строительством. На Совете по скульптуре в конце 1950-х гг. неоднократно отмечались негативные последствия выделения денег в конце года, в связи с чем работы по возведению памятников велись в долг или в условиях зимы [24, л. 27].

Однако на установку, равно как и на ликвидацию объектов без официального статуса памятников, деньги изыскивались оперативно после принятия соответствующих решений на местах. Помимо бюстов Сталина, в Ленинграде размещались весьма значительные монументы вождю народов, пойти на снос которых стало возможно только, когда политика десталинизации утвердилась в общественном сознании. Не сразу были ликвидированы внушительные памятники Сталину работы скульптора Н.Г. Томского, которые без длительных бюрократических процедур появились в 1949 г. у Балтийского вокзала, на Средней рогатке (площадь Победы), на проспекте Обуховской обороны, и памятник скульптора В.И. Ингала «И.В. Сталин – генералиссимус» на Поклонной горе. Последний был наиболее величественным образом, символизировавшим в городском пространстве логику развития марксизма: здесь проспект Карла Маркса переходил в проспект Энгельса. Эти монументы не были учтены как построенные в отчетах Совета по скульптуре середины 1950-х гг., и Совет не принимал решения об их сносе, который произошел в 1961 г. почти синхронно с захоронением Сталина накануне XXII съезда [25, с. 325–335; 26].

Советские художники осознавали низкий художественный уровень памятников, вышедших в тираж, – именно несогласованные скульптуры Сталина работы Томского, размещенные по всему СССР, подверглись критике в упомянутой выше записке 1953 г. Снятые ленинградские памятники, вероятнее всего, были отправлены на переплавку, поскольку в запасниках завода «Монументскульптура» и музея городской скульптуры обнаружить их не удалось [27].

Художники, отстаивавшие исключительность индивидуальных нетиповых проектов, сохраняли за ленинградскими мастерскими право тиражировать парковую скульптуру по эталонам для массового распространения, которые рассматривались и утверждались Управлением культуры при Ленгорисполкоме. В списке эталонов для массового репродуцирования указывалось необходимое количество фигур по одобренным образцам: самым высоким тиражом в середине 1950-х гг. обладали гипсовые скульптуры слона, пионера и Т.Г. Шевченко (более 500 экз.), несколько меньше разрешено было воспроизводить фигур Н.В. Гоголя, М. Горького, Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина и В.В. Маяковского [28]. Скульптуры Ленина же оставались объектом для неофициального тиражирования. На протяжении всего периода ведомственные предприятия и районные исполкомы осуществляли автономное управление памятниками на вверенной территории в соответствии с традицией, укоренившейся в довоенное время. Это снижало эффективность централизованного руководства монументальной пропагандой, однако партийный идеологический контроль был элементом обоих механизмов управления, что позволяло избежать диссонанса. Кроме того, локальные практики в данной сфере позволяли оперативно реагировать на социально-политические изменения. Возможно, поэтому анахронизм оказался устойчивым даже в свете государственной критики.

Ссылки:

1. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003. 340 с.
2. Вафина З.А. Проблематика городской среды: вопросы ее понимания и освоения // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города : сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. Курган, 2015. С. 525–532.
3. Neugebauer C.S., Rekhviashvili L. Loss and (Re-)construction of Public Space in Post-Soviet Cities // International Journal of Sociology and Social Policy. 2015. Vol. 35, iss. 7–8. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-04-2015-0042>.
4. Записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС о недостатках в сооружении памятников и монументов общественным и политическим деятелям секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву от 26 мая 1953 г. // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы. М., 2001. С. 97–98.
5. Там же. С. 98.

6. ЦГАЛИ СПб (Центр. гос. арх. лит. и искусства СПб.), Ф. 105. Оп. 1. Д. 996. Л. 28–29.
7. Там же. Д. 449. Л. 33.
8. Там же. Д. 996. Л. 108–114.
9. Там же. Д. 315. Л. 1–2.
10. Там же. Л. 3.
11. Там же. Д. 996. Л. 217.
12. Там же. Л. 244.
13. Там же. Л. 37.
14. Там же. Д. 449. Л. 1.
15. Там же. Д. 996. Л. 1–4.
16. Там же. Д. 315. Л. 3.
17. Орав В.А. «Почему празднование состоится с опозданием на четыре года?»: 250-летие Ленинграда и «Ленинградское дело» // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 21. С. 305–315.
18. 250 лет Ленинграду [Электронный ресурс] : док. фильм / реж. К. Эггерс. М., 1957. URL: <https://www.net-film.ru/film-4781/> (дата обращения: 13.06.2018).
19. ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 996. Л. 69–71.
20. Лукьянов В. Девятый обелиск [Электронный ресурс] // Трудовая Россия. № 260. URL: <http://tr.rkrp-rpk.ru/get.php?1680> (дата обращения: 13.06.2018).
21. Ленину В.И., памятник [Электронный ресурс] // Санкт-Петербург: энциклопедия. URL: http://www.encspb.ru/object/2805469701/D_1803401815/3?lc=ru (дата обращения: 13.06.2018) ; Памятники Ленину в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс] // Памятники Ленину. URL: leninstatues.ru/spb (дата обращения: 13.06.2018).
22. ЦГАИПД СПб (Центр. гос. арх. ист.-полит. док. СПб.), Ф. 3527. Оп. 5. Д. 7. Л. 14.
23. ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 58. Л. 17.
24. Там же. Д. 996. Л. 27.
25. Глезеров С.Е. Удельная. Очерки истории. М., 2012. 663 с.
26. Кривдина О.А., Тычинин Б.Б. Скульптура и скульпторы Санкт-Петербурга. СПб., 2007. 767 с.
27. Карасев И. Памятники Сталину все еще остались в Петербурге [Электронный ресурс] // Метро. 2013. 4 марта. URL: <https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/pamyatniki-stalinu-vse-esche-ostalis-v-peterburge-1116050/> (дата обращения: 13.06.2018).
28. ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 319. Л. 1–3.

References:

- 250 years to Leningrad: documentary directed by K. Eggers 1957, online video, viewed 13 June 2018, <<https://www.net-film.ru/film-4781/>>, (in Russian).
- Glezerov, SE 2012, *Specific. Historical essays*, Moscow, 663 p., (in Russian).
- Karasev, I 2013, 'Monuments to Stalin still remained in Petersburg', *Metro*, March 04, viewed 13 June 2018, <<https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/pamyatniki-stalinu-vse-esche-ostalis-v-peterburge-1116050/>>, (in Russian).
- Krivdina, OA & Tychinin, BB 2007, *Sculpture and sculptors of St. Petersburg*, St. Petersburg, 767 p., (in Russian).
- Lebina, NB & Chistikov, AN 2003, *Philistine and reform. Everyday life of the townspeople*, St. Petersburg, 340 p., (in Russian).
- Lukyanov, V 2018, 'The Ninth Obelisk', *Trudovaya Rossiya*, no. 260, viewed 13 June 2018, <<http://tr.rkrp-rpk.ru/get.php?1680>>, (in Russian).
- 'Monuments to Lenin in St. Petersburg' 2018, *Pamyatniki Leninu*, viewed 13 June 2018, <leninstatues.ru/spb>, (in Russian).
- 'Monument to V.I. Lenin' 2018, *Sankt-Peterburg: entsiklopediya*, viewed 13 June 2018, <http://www.encspb.ru/object/2805469701/D_1803401815/3?lc=ru>, (in Russian).
- Neugebauer, CS & Rekhviashvili, L 2015, 'Loss and (Re-)construction of Public Space in Post-Soviet Cities', *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 35, iss. 7–8. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-04-2015-0042>.
- 'Note by the Department of Science and Culture of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union on the shortcomings in building monuments to public and political figures sent to the Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union N.S. Khrushchev dated May 26, 1953' 2001, *Apparat TSK KPSS i kul'tura. 1953-1957. Dokumenty*, Moscow, pp. 97-98, (in Russian).
- Orav, VA 2015, "Why the celebration will be held four years later?": The 250th anniversary of Leningrad and the "Leningrad case", *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 21, pp. 305-315, (in Russian).
- Vafina, ZA 2015, 'Problems of the urban environment: the issues of its understanding and development', *Istoricheskaya urbanistika: proshloye i nastoyashcheye goroda: sb. nauch. st. Vseros. konf. s mezhdunar. uchastiyem*, Kurgan, pp. 525-532, (in Russian).